

Патрушев Сергей

ТАЙНА УРАЛА

Сергей Патрушев

Тайна Урала

<https://litres.ru/74630509>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что есть смысл жизни, если время лишь искусно сплетённая петля, а свобода воли — иллюзия, дарованная тюремщиками?

Бывший офисный работник Игорь, провалившись в разлом Уральских гор, становится невольным Смотрителем мироздания. Пройдя через видения стерильного будущего и первобытного прошлого, он узнает страшную правду: Луна — это древний корабль, удерживающий в спячке истинных Хозяев вселенной, а человечество лишь «антенна» на их грядке.

Разочаровавшись в дуализме ангела Айри и демона Леона, Игорь понимает, что ответы на главные вопросы лишь инструкция для раба.

Выбрав путь абсолютной неопределенности, он спускается в пещеры под Холатчахлем, чтобы найти Книгу Тайн. Но истина оказывается пугающей: главные вопросы ещё не заданы, а последняя страница истории пуста, ожидая его пера.

Содержание

Глава 1. Зов Каменного Пояса	4
Глава 2. Первая петля	17
Глава 3. Ангел Айри и границы миров	34
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Сергей Патрушев

Тайна Урала

Глава 1. Зов Каменного Пояса

Игорь ненавидел звук уведомления в корпоративном мессенджере. Короткий, сухой «дзинь», похожий на щелчок взводимого курка, неизменно означал одно: его право на тишину снова аннулированы ради «срочной синхронизации по статусам». В свои тридцать четыре года он достиг той стадии выгорания, когда деньги перестали приносить радость, а единственным измеримым остатком от жизни казались синяки под глазами и глухая, вибрирующая усталость в костях.

Решение уехать созрело не в порыве, а в вязком, мутном осадке очередной бессмысленной планёрки. Он не стал писать заявление на отпуск. Просто купил билет на поезд до Ивделя, собрал старый, ещё отцовский рюкзак «Ермак», бросил туда выдавшую виды палатку, спальник, консервы и ушёл из офиса в пятницу днём, никому ничего не сказав.

Северный Урал встретил его свинцовым небом и запахом мокрой хвои. Это была не туристическая прогулка. Игорь сознательно выбрал самый неудобный маршрут, ведущий к перевалу Дятлова и дальше, к отрогам горы Холатчахль. В переводе с мансийского — «Гора мертвецов». Местные про-

водники в Ивделе смотрели на него с суеверным уважением и лёгкой жалостью, отговаривали идти в одиночку, пугали камнепадами и внезапной сменой погоды. Игорь кивал, пил предложенный чай и молчал. Он искал места, где человеческая суета, его «срочные статусы» и квартальные отчёты не имеют никакого веса. Он хотел раствориться в безразличии камня.

Первые три дня похода стёрли из него городскую шелуху. Мышцы, забывшие о нагрузках, горели сладкой болью. Дождь, сутками поливавший брезент палатки, вымывал из головы липкую паутину мыслей. Он шёл по звериным тропам, перебрал ледяные ручьи, пил воду прямо из русел, чувствуя, как зубная эмаль немеет от холода. Здесь не было связи. Телефон превратился в бесполезный кусок пластика и стекла, и эта потеря была сродни освобождению.

На четвертый день он сошёл с основной тропы. Карта, купленная ещё в девяностые, была неточной, но Игорю это нравилось. Он хотел заблудиться. Холатчахль манила его своей молчаливой, давящей массой. К вечеру он вышел в долину, зажатую между двумя скалистыми грядками. Место было неестественно тихим. Ветер, который весь день гудел в верхушках лиственниц, здесь, внизу, словно обрезало.

Игорь выбрал площадку для лагеря на пологом склоне, у подножия огромного, расколотого надвое валуна, похожего на клык неведомого зверя. Пока он ставил палатку, сумерки сгустились с пугающей скоростью. На Северном Урале ночь

не приходит. Она падает, как тяжёлое одеяло.

Он развёл костер. Огонь жадно вгрызся в сухие ветки кедра, бросая на серый мох пляшущие тени. Игорь сидел, завернувшись в спальник, пил обжигающий чай из металлической кружки и смотрел в пламя. Это был первый вечер за долгие годы, когда в его голове не было ничего, кроме треска дров и стука собственного сердца.

Первым сдался компас.

Игорь достал его по старой привычке, просто чтобы зафиксировать азимут на завтрашнее утро. Пластиковая стрелка, обычно замиравшая на севере после пары колебаний, вдруг дернулась, сделала полный оборот, замерла на секунду и снова пошла по кругу. Сначала медленно, потом всё быстрее, набирая скорость. Она вращалась против часовой стрелки, издавая тихий, но отчетливый механический свист. Игорь потряс компас, постучал по стеклу пальцем. Бесполезно. Стрелка превратилась в размытый пластиковый диск. Он бросил его на мох.

Воздух изменился следом.

Сначала Игорь подумал, что это просто поднялся ветер. Но ветра не было. Листва на редких кустах ольхи не шелестела. Дым от костра поднимался идеально ровным, неподвижным столбом в чернильное небо. Но само пространство вокруг стало другим. Оно словно сгустилось, стало осязаемым. Каждый вдох давался с легким усилием, как если бы он дышал под водой. В ушах появился низкий, едва уловимый

гул, на грани инфразвука. Вибрация, которая ощущалась не слухом, а диафрагмой, зубами, глазными яблоками.

Игорь поднялся на ноги, чувствуя, как по спине ползёт холодный, первобытный страх. Это не было похоже на панику заблудившегося туриста. Это был древний, животный ужас перед тем, что нарушает законы физики. Он посмотрел на небо.

Звёзды исчезли.

Вместо привычной россыпи Млечного Пути над перевалом висело свечение. Оно не имело источника. Оно просто было. Огромная, пульсирующая линза бледно-лилового, почти болезненного цвета. Свечение не освещало землю, не отбрасывало теней. Оно поглощало свет. Костёр у ног Игоря вдруг поблек, словно кто-то выкрутил ручку яркости во всём мире. Пламя стало синим, почти прозрачным, и перестало греть.

Гул перерос в звук. Низкий, утробный стон, от которого завибрировали камни под ногами. Игорь зажал уши руками, но звук был внутри черепа. Он видел, как лиловое свечение в небе начинает структурироваться, складываться в идеальную геометрическую спираль, которая медленно, с пугающей неотвратимостью, начинает вращаться.

В центре спирали появилась чёрная точка. Она росла, втягивая в себя лиловый свет, превращаясь в идеальный, абсолютный провал. Пространство вокруг этого провала начало искажаться, как над раскалённым асфальтом. Камни, мох,

даже сам воздух, казалось, вытягивались в сторону этой точки.

Игорь сделал шаг назад, споткнулся о рюкзак и упал на спину. Он смотрел вверх, не в силах отвести взгляд, не в силах закрыть глаза. Спираль ускорилась, превращаясь в бесечно вращающийся диск. Звук достиг невыносимого крещендо, а затем —

тишина.

Абсолютная, давящая, звенящая пустота. Свечение схлопнулось. Чёрная точка исчезла.

Мир выключили. Пробуждение было похоже на всплытие со дна Марианской впадины.

Сначала вернулся вес. Тяжесть собственного тела, вдавившая его в промерзшую землю. Затем боль. Ломота в каждой мышце, тупая пульсация в висках и мерзкий, железистый привкус во рту. Он лежал на спине, глядя в потолок.

Потолок был из серой, плотной ткани.

Игорь резко сел, ударившись макушкой о дугу палатки. Сердце пропустило удар и заколотилось где-то в горле. Он был в своей палатке. Спальник скомкан, каремат сдут. Рядом валяется выпотрошенный рюкзак. Значит, он дошёл и это был сон. Приступ горной болезни, галлюцинация от переутомления. Он слышал о таком.

Дрожащими руками он нащупал клапан палатки и растегнул его.

Солнце ударило по глазам. Но это было не утреннее, роб-

кое солнце Урала. Это был знойный, почти вертикальный свет, от которого воздух над травой дрожал маревом.

Игорь выполз наружу, щурясь, и замер. Пейзаж за окном палатки изменился.

Он стоял на той же поляне у расколотого валуна. Камень никуда не делся. Но всё остальное... Мох исчез. Вместо серого, чахлого ягеля под ногами расстился ковёр из сочной, изумрудной травы высотой по колено. Лиственницы, ещё вчера казавшиеся сухими, изломанными старухами, превратились в гигантские, глянцевые колонны. Их кроны уходили ввысь на десятки метров, смыкаясь где-то в недостижимой синеве плотным, темно-зелёным куполом. Воздух был густым, сладким, пьянящим от запаха неизвестных цветов и влажной, жирной земли.

Игорь подошёл к краю поляны и посмотрел вниз, в долину.

Там, где вчера тянулась унылая тундра с редкими проплешинами камня, теперь простирался настоящий, первобытный лес. Деревья с листьями размером с ладонь, лианы, свисающие с ветвей толстыми удавами, и плотная, живая стена зелени, сквозь которую не пробивался бы даже взгляд. Это была не осень, сменившаяся за ночь летом. Это была другая планета или эпоха.

— Так, — вслух сказал Игорь. Голос прозвучал хрипло и жалко. — Спокойно. Это тепловой удар. Или я всё ещё сплю. Ущипнул себя за руку. Больно. С силой прикусил губу.

Рот наполнился тёплой, солёной кровью. Реальность была пугающе материальной.

Он вернулся к палатке и посмотрел на свои наручные часы. Прочный, водонепроницаемый «G-Shock», который он не снимал со времён службы в армии. Электронный дисплей был мёртв. Чёрный, мёртвый прямоугольник. Игорь жал кнопку подсветки. Ничего. Отщелкнул заднюю крышку. Батарейка на месте, контакты не окислены.

Достал из кармана смартфон. Тот тоже был мертв. Полностью разряженный, хотя перед выходом из дома Игорь заряжал его до ста процентов.

Игорь сел на поваленное бревно, которое вчера было сухим и серым, а сейчас сочилось свежей, липкой смолой и было покрыто бархатистым, светящимся в полумраке мхом. Он пытался выстроить логическую цепочку, но мозг отказывался работать. Галлюцинации не убивают электронику. Галлюцинации не делают траву зеленее, а деревья выше.

Посмотрел на свои руки. Грязные, в ссадинах, покрытые щетиной. Те же самые руки. Поднёс их к лицу, втянул воздух. Пахло потом, костровой гарью и... озоном. Тот самый запах, который бывает после удара молнии, только в сотни раз концентрированнее.

Тишина.

Только сейчас Игорь осознал, чего не хватает. Не было гнуса, жужжания мух, писка комара, которое на Урале сводит с ума в летние месяцы. Не было криков птиц. Лес, рас-

кинувшийся перед ним, был абсолютно, неестественно безмолвен. Ни одного насекомого не ползло по его рукаву, ни одна птица не перелетала между гигантскими ветвями.

Он поднялся и подошёл к расколотому валуну. Провёл ладонью по шершавому граниту. Камень был тёплым, почти горячим. Игорь заметил то, чего не видел вчера: на сколе, там, где камень треснул пополам, виднелись странные прожилки. Они не были похожи на обычную кварцевую жилу. Металл внутри камня сплетался в сложный, фрактальный узор, похожий на микросхему, застывшую в граните.

Игорь опустил на колени. Он геолог по первому, давно заброшенному образованию. Прекрасно знал минералы. Это не было похоже ни на что известное ему. Пржилки пульсировали. Едва заметно, в такт его собственному, сбиту пульсу.

Провел по ним пальцем, и в тот же миг его пронзило воспоминание. Не воспоминание — вспышка. Лиловое свечение. Вращающаяся спираль. Абсолютный холод вакуума, сменившийся невыносимым жаром. И звук, который не был звуком.

Игорь отдёргнул руку. На подушечке указательного пальца остался тончайший налёт металлической пыли цвета старого серебра. Он поднёс палец к носу. Пыль пахла озоном.

— Я сошёл с ума, — пробормотал он, обхватив голову руками. — Я просто перегрелся на солнце и лежу сейчас где-нибудь в коме, а вы, ребята, в офисе уже нашли мне замену.

Но солнце не пекло. Оно грело ласково, по-весеннему. И комы не вызывают таких детальных, объёмных запахов. Чувствовал запах прелой листвы, влажной коры, диких яблок, которых здесь не должно быть, и этот всепроникающий, металлический привкус изменённой реальности.

Нужно было проверить воду. Вода — константа. Химический состав воды не может измениться от удара молнии или приступа безумия. Игорь достал из рюкзака пустую пластиковую бутылку. Вчера он набирал воду из ручья, который тёк в трехстах метрах ниже по склону. Ручей должен быть на месте.

Он пошёл по направлению к обрыву, продираясь сквозь внезапно высокую, цепкую траву. Ботинки, которые вчера оставляли на мху лёгкие вмятины, теперь утопали в мягкой почве по щиколотку.

Ручей был на месте. Вернее, там, где вчера сочилась тонкая струйка талой воды, теперь шумел полноводный поток. Вода в нём была не прозрачной, а густо-бирюзовой, цвета тропического моря, и над её поверхностью поднимался лёгкий, едва заметный пар.

Игорь опустился на колени у берега. Опустил в воду палец. Тёплая. Как в ванной. Он зачерпнул ладонью, поднёс к губам. Вода была сладковатой. С легким привкусом той же металлической пыли.

Он посмотрел на своё отражение. Из бирюзовой глубины на него смотрел заросший, грязный мужчина с расширенными

ми, чёрными от расширенных зрачков глазами. В отражении за его спиной, в кронах деревьев, что-то блеснуло.

Игорь резко обернулся. Ничего. Только колышущиеся на неощутимом ветру гигантские листья. Он просидел у ручья около часа. Солнце начало клониться к западу, но не на север, как должно было быть на Урале в это время года, а прямо за спину Игорю, на юг. Тени вытягивались в другую сторону.

Его трясло. Адреналиновый шок от видения сменился ледяным, рациональным ужасом. Он был отрезан. Полностью. Без связи, без времени, в месте, которое нарушало все законы его мира. Еда в рюкзаке на три дня. Вода теперь была в избытке, но она была чужой.

Нужно было возвращаться.

Игорь встал. Пойдёт назад, по своим следам. Спустится в посёлок, найдёт людей, вызовет вертолет, сдастся в психоневрологический диспансер. Что угодно, лишь бы выбраться из этого зелёного, молчаливого ада.

Он пошёл к палатке, чтобы собрать вещи. Дорога назад заняла у него десять минут. Десять минут хода по местности, которую он считал хорошо изученной ещё вчера. Но когда он вышел к расколотому валуну, палатки на месте не было.

Поляна была пуста.

Вчера он вбил колышки глубоко в мох. Сейчас на месте палатки росла высокая, незнакомая трава с крупными, похожими на звёзды синими цветами. Колышки исчезли. На зем-

ле не было ни единого примятого стебелька, ни единого следа от его костра. Расколотый валун стоял на месте, но теперь он был покрыт не его копотью, а толстым слоем пушистого, фосфоресцирующего лишайника.

Игорь закричал. Это был не крик о помощи, а животный, рвущий связи вопль отчаяния. Он метался по поляне, хватал руками воздух, падал на колени, разгребал землю, пытаюсь найти хоть что-то — обрывок стропы, консервную банку, след от своего сапога.

Ничего. Мир стер его присутствие.

Он рухнул на землю у подножия валуна, чувствуя, как лёгкие горят от нехватки кислорода. Дышал этим сладким, плотным воздухом, но задыхался. Паника была физической, она сдавливала горло ледяной рукой.

— Не может быть, — прохрипел он, глядя на пульсирующие жилы в камне. — Вытащите меня. Пожалуйста.

Он не знал, к кому обращается. К тем, кто создал лиловую спираль? К самому камню? К равнодушному небу?

Внезапно гул, который он слышал перед тем, как потерять сознание на перевале, вернулся. Но теперь он был тихим. Исходил не с неба. Шёл из-под земли, прямо от камня, к которому Игорь прижимался щекой.

Валун вибрировал.

Игорь отпрянул, но было поздно. Гранитная поверхность перед его лицом пошла рябью, как вода. Серый камень потёк, теряя плотность, превращаясь в вязкую, серебристую массу.

В центре этого жидкого металла открылся глаз.

Он не был похож на человеческий. У него не было зрачка или белка. Это была сложная, многослойная оптическая линза, переливающаяся всеми оттенками фиолетового и чёрного. И этот глаз смотрел прямо на Игоря.

Смотрел не с любопытством, не с агрессией. Он смотрел так, как учёный смотрит в микроскоп на амебу. С абсолютным, холодным, вселенским равнодушием.

Игорь почувствовал, как его собственное сознание начинает истончаться. Мысли, страхи, воспоминания об офисе, о мессенджере, о долге по ипотеке — всё это показалось ничтожным, плоским, двумерным. Словно кто-то смахнул пыль с поверхности его жизни, обнажив под ней лишь голый, дрожащий инстинкт.

Глаз моргнул. Веко у него было из застывшего времени.

Пространство вокруг Игоря снова начало искажаться. Но теперь это не было пугающим. Это было... приглашением. Трава под ним стала прозрачной, он видел сквозь неё слои почвы, корни, уходящие к ядру планеты. Воздух зазвенел, как хрусталь.

Игорь понял, что его больше не тошнит от страха. Страх выгорел. Осталось только бесконечное, пронзительное, почти религиозное чувство масштаба. Он был пылинкой перед лицом чего-то бесконечно древнего и огромного.

— Я слышу, — прошептал он, сам не понимая, что говорит.

Глаз в камне медленно закрылся. Серебристая масса снова стала твёрдым, холодным гранитом. Но мир вокруг уже не вернулся в норму.

Игорь поднялся на ноги. Посмотрел на свои руки и увидел, что кожа на них светится едва заметным лиловым светом — тем самым, что он видел в небе над перевалом Дятлова. Посмотрел на солнце. Оно больше не было жёлтым диском. Теперь видел его структуру — кипящие протуберанцы, магнитные бури, танец плазмы.

Сделал шаг, и трава расступилась перед ним, не смея коснуться его ног.

Игорь не знал, куда идёт. Больше не был офисным работником, сбежавшим от рутины. Рутинa осталась в другой вселенной, за захлопнувшейся дверью.

Был пустым сосудом, который только что наполнили до краёв чем-то тяжёлым, тёмным и звенящим. Зов Каменного Пояса не звал его. Зов просто переписал его код, сделав частью местного ландшафта.

Шёл вглубь молчаливого, гигантского леса, и за его спиной в кроне исполинского дерева бесшумно расправила крылья птица, чьи перья горели холодным фиолетовым огнём. Она снялась с ветки и полетела на юг, следом за неправильным солнцем, указывая человеку его новый, единственный путь. Часы на его руке, которые он всё ещё машинально сжимал в кулаке, начали идти в обратную сторону.

Глава 2. Первая петля

Солнце, висевшее над южным горизонтом, отказывалось двигаться. Игорь шел уже сорок минут, пробиваясь сквозь первобытную, одуряюще пахнущую чащу, но свет оставался на том же месте — слепящий, белый, прожигающий затылок. Он шел на север. Он был в этом уверен. Он оставил расколотый валун строго за спиной, ориентируясь по мху на деревьях, который здесь, в этом искаженном мире, рос правильными, геометрическими кругами, указывая на юг, а не на север.

Тишина больше не пугала. Она стала фоном, плотным, как вата в ушах. Игорь перестал прислушиваться к отсутствию птиц. Он сосредоточился на ритме. Левая, правая. Вдох, в котором кислорода было слишком много, от чего слегка кружилась голова. Левая, правая. Он пытался сохранить в себе остатки Игоря-директора, Игоря-планировщика. У него есть вектор. У него есть цель. Выжить. Найти людей.

Деревья расступились внезапно. Игорь вышел на край высокого обрыва и замер, чувствуя, как желудок проваливается в ледяную пустоту.

Внизу, в долине, в трехстах метрах под ним, у подножия гигантского валуна, похожего на клык, стояла его ярко-оранжевая палатка. Дым от почти потухшего костра тонкой струйкой уходил в фиолетовое небо. На камне сидел он

сам — грязный, заросший щетиной человек в порванной на колене штормовке — и растерянно смотрел по сторонам.

Игорь на обрыве закашлялся, захрипел. Горло свело спазмом. Он смотрел на самого себя, и первобытный ужас, который отступил у камня, вернулся с десятикратной силой, превратившись в чистую, неразбавленную панику.

Он посмотрел на компас, который подобрал у палатки двойника. Стрелка снова вращалась, но теперь медленно, лениво, словно нехотя. Он посмотрел на свои следы. Мягкая почва хранила четкий отпечаток его рифленых подошв. Он пришел оттуда. Он сделал широкую дугу по лесу, чтобы обойти топкое место, и вышел к обрыву. Логика кричала, что он прошел по кругу. Но этого не могло быть. Он шел прямо. Магнитная аномалия? Массовая галлюцинация?

— Так не бывает, — прошептал Игорь пересохшими губами.

Он начал спуск. Ноги сами несли его вниз, пока мозг пытался обработать невозможное. Он не будет кричать. Он подойдет тихо. Это может быть местный житель, охотник, который нашел его вещи. Или это действительно он сам из параллельной временной ветки. Нужно просто посмотреть в глаза этому человеку.

Он вышел на поляну. Двойник поднял голову.

Игорь остановился.

Человек внизу моргнул. Его движения были... неестественными. Слишком плавными, как у марионетки на иде-

ально смазанных нитях. Он встал, потянулся, зевнул точно-точно так, как зевал настоящий Игорь час назад, когда очнулся. Затем двойник подошел к палатке, достал из бокового кармана шоколадный батончик, сорвал обертку и начал медленно, механически жевать.

Игорь шагнул вперед. — Эй, — хрипло позвал он.

Двойник не отреагировал. Он продолжал жевать, глядя прямо перед собой пустыми глазами.

Игорь подошел ближе. Тень от его фигуры упала на двойника. Тот даже не вздрогнул. — Кто ты? — Игорь схватил его за плечо.

Пальцы прошли сквозь плоть, не встретив сопротивления.

Игорь отшатнулся, упал на спину. Фигура у палатки продолжала существовать. Двойник доел батончик, скомкал фольгу, бросил ее точно в костер, а затем начал методично, с механической точностью собирать палатку. Он сворачивал мокрый брезент так, как учил Игоря отец — в идеальный, тугой рулон.

Это был не человек. Это был трехмерный, цветной, пахнущий потом и шоколадом слепок времени. Эхо.

Игорь отполз назад, в кусты. Его трясло так сильно, что зубы выбивали дробь. Он смотрел, как его собственная копия, этот бездушный автомат, заканчивает сборы. Как он надевает на плечи рюкзак. Как поправляет лямку. Как поворачивается и уходит — ровно тем же путем, которым пришел

сюда настоящий Игорь сорок минут назад.

Как только двойник скрылся в зарослях, мир моргнул.

Это не было похоже на вспышку или удар. Пространство просто... обновилось. Как зависший кадр в старом проекторе. Дым над костром исчез. Скомканная фольга на углях испарилась. Трава, примятая тяжелыми ботинками, выпрямилась.

Игорь остался один на поляне. Снова.

Он бросился к тому месту, где стоял его двойник. Земля была холодной. Никаких следов. Никаких молекул тепла.

— Нет, — выдохнул Игорь. — Нет-нет-нет.

Он побежал. Он не думал о направлении. Он просто бежал, ломая ветки, разбрасывая ногами светящийся мох. Он должен разорвать этот круг. Он бежал на восток, туда, где склон горы казался более пологим. Он бежал, пока легкие не начали гореть, а в боку не закололо раскаленной иглой.

Он выбежал на обрыв.

Внизу, у валуна, стояла оранжевая палатка. Дым тонкой струйкой уходил в фиолетовое небо.

Игорь зарычал. Это был рык загнанного зверя. Он бросился обратно в лес, в самую чащу, туда, где лианы толщиной с руку преграждали путь. Он лез через бурелом, сдирая кожу с ладоней, не чувствуя боли. Он бежал наугад, петлял, менял направление каждые сто метров. Он взбирался на скалы, рискуя сорваться. Он падал в ручьи с бирюзовой водой, вставал и снова бежал.

Он бежал час. Два. Солнце так и не сдвинулось ни на градус.

Он выдохся. Полностью. Он рухнул на колени посреди поляны, заросшей синими звездчатыми цветами, и его вырвало желчью. Он больше не мог. Физически.

— Хватит! — закричал он в равнодушное небо. — Слышите меня?! Я понял! Я в клетке! Выпустите меня!

Его крик эхом отразился от скал, но поглотился лесом без ответа.

Игорь упал лицом в траву. Он лежал, вдыхая сладкий, душливый запах чужой земли, и ждал. Ждал, когда мир снова моргнет. Ждал, когда появится его механическая копия. Ждал конца.

Но мир не моргнул.

Трава под ним начала меняться.

Сначала он подумал, что это предсмертные галлюцинации от обезвоживания. Синие цветы вокруг него начали терять цвет, становясь прозрачными, как стекло. Их стебли утончались, превращаясь в тончайшие нити оптоволокну, по которым побежал пульсирующий лиловый свет — тот самый, что он видел над перевалом. Земля под цветами тоже менялась. Чернозем истончался, обнажая не камни, а темный, вязкий металл, сплетающийся в бесконечную, фрактальную микросхему.

Воздух зазвенел. Но это был не инфразвук. Это была музыка. Сотни голосов, поющих на одной ноте, от которой виб-

ривали глазные яблоки.

Пространство перед Игорем начало рваться.

Это не была черная дыра или портал. Это выглядело как разрыв старой ткани. Нити реальности — зеленые, синие, фиолетовые — натянулись до предела и с тихим звоном лопнули. В прореху хлынул не свет, а абсолютная, геометрическая пустота.

Игорь попытался отползти, но тело не слушалось. Он был парализован не страхом, а давлением. Давлением самой пустоты, которая была плотнее любого алмаза.

Из разрыва шагнула фигура.

Она не вышла. Она именно шагнула, перешагнув границу миров, как перешагивают через порог.

Существо было высоким, около двух метров. Женская фигура, сотканная из живого, холодного света. Она не была бесплотным призраком; свет имел плотность, он преломлялся, создавая вокруг нее едва заметную ауру. Ее кожа, если это можно было назвать кожей, казалась выточенной из горного хрусталя, внутри которого застыли мириады снежинок. Волосы струились вниз, распадаясь на отдельные нити чистого ультрафиолета.

У нее не было крыльев в привычном понимании. За ее спиной переливалась сложная структура, напоминающая одновременно и стрекозиные крылья из застывшего огня, и дифракционную решетку.

Существо посмотрело на Игоря. Глаза у нее были чело-

веческими — огромные, миндалевидные, цвета расплавленного серебра. В них не было ни жалости, ни угрозы. Только бесконечное, терпеливое понимание.

Она подняла руку. Ее пальцы, длинные и тонкие, заканчивались не ногтями, а светящимися каплями. Она не коснулась Игоря. Она просто указала на него, и давление пустоты исчезло. Воздух со свистом ворвался в легкие.

Игорь судорожно вдохнул и попытался отползти, упираясь каблуками в землю.

— Не бойся, — сказала существо.

Голос не был звуком. Он возник прямо в центре черепа Игоря. Чистый, мелодичный, лишенный пола и возраста. Он звучал на русском, но Игорь понимал, что это лишь адаптация. Слова рождались прямо в его синапсах.

— Кто... что ты такое? — просипел Игорь.

Существо сделало шаг. Трава под ее ногами не приминалась. Свет, из которого она состояла, не излучал тепла, но Игорю казалось, что от нее исходит прохлада, как от родниковой воды.

— У меня нет имени в твоём языке, — снова зазвучал голос в голове. — Но ты можешь звать меня Айри.

— Айри... — повторил Игорь, как загипнотизированный. — Ты ангел? Я умер? Это тот свет, о котором говорят?

Айри склонила голову набок. Движение было нечеловечески грациозным. — Ты не умер, Игорь. И я не то, что вы называете ангелом. Я — Смотритель.

Она обвела рукой вокруг. Разрыв в пространстве за ее спиной медленно затягивался, сшивая нити реальности. — Ты находишься на Разломе. На шве, где полотно вашего мира истлело и соприкоснулось с другими. Гора, которую вы зовете Холатчахль, всегда была узлом. Местом силы. Трагедия, которую вы изучаете в своих книгах — гибель ваших туристов — была лишь побочным эффектом того, что Разлом тогда впервые за столетия начал «дышать». Они просто оказались не в том месте, когда ткань дала слабинку. Твой... зов. Твое отчаяние. Твое желание сбежать из клетки, которую вы построили сами, стало ключом. Разлом услышал тебя и втянул.

Игорь смотрел на нее, пытаясь сложить в голове картину. Слова «Разлом», «швы», «полотно» звучали как бред сумасшедшего физика, но они идеально объясняли вращающуюся стрелку компаса, мертвую электронику и его бесконечный бег по кругу.

— Втянул? — Игорь горько усмехнулся, и в этом смехе зазвенела истерика. — Это мягко сказано. Я в ловушке. Я бегу часами и прихожу в ту же точку. Время зациклено. Там, внизу, мой призрак ставит палатку. Я схожу с ума.

— Ты не сходишь с ума, — Айри опустила на корточки. Теперь их лица были на одном уровне. От нее пахло озоном и грозой. — Ты просто видишь архитектуру. Твой мир линейен. У него есть начало, середина и конец. Разлом не линейен. Здесь время — это не река, текущая в одну сторону. Здесь

это океан. Ты попал в «петлю». Это заусенец на крае ткани. Твоя временная линия зацепилась за аномалию. Ты будешь бежать вечно, пока не поймешь, что бежать некуда.

— Выпусти меня, — Игорь смотрел в ее серебряные глаза, чувствуя, как последние остатки его человеческой гордости рассыпаются в прах. — Пожалуйста. Мне нужно домой. У меня там... дела. Работа.

Айри долго смотрела на него. В ее взгляде промелькнуло что-то похожее на сострадание, но оно было холодным, как свет далеких звезд.

— Домой нельзя, — произнесла она. Голос в голове Игоря стал тверже. — Ткань за твоей спиной срослась. Путь, которым ты пришел, больше не существует. Если ты попытаешься шагнуть туда, ты развалишься на атомы. Тебя стерло из твоей реальности, Игорь. Там, дома, твой офисный стул теперь занимает другой человек. Твой телефон отвечает, что номер не существует. Ты — статистическая погрешность. Шум, который вырезали из записи.

Слова ударили сильнее, чем физический удар. Игорь почувствовал, как земля уходит из-под ног, хотя он сидел на ней. Стерло. Его не существует. Вся его жизнь, ипотека, ссоры с родителями, амбиции, обиды — все это просто обрезанная пленка.

— Тогда убей меня, — прошептал он. — Если я ошибка, исправь ее.

Айри протянула светящуюся руку и коснулась его лба.

Прикосновение не было физическим. Это был поток информации, обрушившийся на его сознание, как ледяной допад.

Игорь увидел.

Он увидел Землю не как планету, а как сложный, многослойный шар, оплетенный светящимися нитями. Он увидел миллиарды таких же нитей, уходящих в бесконечность — другие миры, другие вероятности, другие физические константы. Он увидел Разломы — места, где нити истончались. Некоторые из них пульсировали красным — там миры гибли в войнах. Другие светились золотом — там цивилизации достигали расцвета. А были и серые, гнилые пятна, как язвы.

Он увидел Каменный Пояс Урала. И он увидел, как в точке Холатчахль серая нить его реальности истлела почти до основания, соприкоснувшись с пульсирующей, лиловой жилой другого измерения.

— Ты не ошибка, — голос Айри снова зазвучал в голове, возвращая его из космического видения. — Ты — затычка.

Игорь непонимающе моргнул.

— Ткань рвется, Игорь, — продолжила Айри, выпрямляясь. Она казалась теперь еще выше, заслоня собой застывшее солнце. — Миры стареют. Швы гниют. Разломы расширяются. Если их не сдерживать, они сольются. Произойдет каскадный коллапс. Все вероятности схлопнутся в одну точку. Бесконечное Ничто.

Она указала на горизонт, где фиолетовое небо касалось

зеленой стены леса. — Я — Смотритель. Я штопаю швы. Я заливаю смолой трещины. Но нас осталось мало. Древние пути разрушены. И ткань... ткань начала выбрасывать якоря.

Она посмотрела прямо в глаза Игорю. В ее серебряном взгляде отразился маленький, испуганный человек. — Когда Разлом втянул тебя, он не просто поглотил мусор. Он выбрал тебя. Твое сознание, Игорь. Твой страх, твоя жажда свободы, твоя способность видеть структуру в хаосе — ты оказался идеальным проводником. Ты выжил там, где другие сошли бы с ума за секунды. Твоя нейронная сеть приняла обновление. Посмотри на свои руки.

Игорь опустил взгляд. Его руки, грязные, в ссадинах, светились тем же тусклым, лиловым светом, что и кожа Айри. Свет пульсировал в такт его сердцебиению.

— Что вы со мной сделали? — в ужасе спросил он, пытаюсь стереть свет с кожи, но он был внутри.

— Ничего, — ответила Айри. — Мы просто перестали это блокировать. Ты всегда был таким. Слабым эхом Разлома. Ты всегда чувствовал, что твоя жизнь — это клетка, потому что твоя душа помнит бесконечность. А теперь твое тело догнало душу.

Она подошла вплотную. Ее свет омыл Игоря, смывая грязь, усталость и боль. Раны на ладонях затянулись, оставив лишь бледные, быстро исчезающие шрамы.

— Твоя судьба изменилась, — сказала она. — Ты больше

не принадлежишь линейному времени. Ты — Путешественник.

— Я не просил об этом! — выкрикнул Игорь, вскакивая на ноги. — Я просто хотел в поход! Я хочу обратно в свой душный офис! Я хочу ненавидеть свою жизнь, но я хочу ее *иметь*!

— Поздно, — Айри покачала головой. В ее хрустальных волосах заиграли искры. — Ты уже изменился. Ткань приняла тебя. Теперь у тебя есть два пути. Первый — ты можешь отказаться. Я могу растворить твое сознание. Это будет не больно. Ты просто станешь частью Разлома, чистой энергией. Это избавление, которого ты просил.

Игорь замер. Раствориться. Перестать быть. Прекратить этот бесконечный, невозможный ужас. Какая простая, сладкая мысль.

— А второй? — голос его дрогнул.

— Второй путь тяжелее, — Айри сделала шаг назад, и вокруг нее снова начал формироваться пространственный разрыв, но теперь он был контролируемым, ровным, похожим на овальную раму из чистого золота. — Ты принимаешь свою природу. Ты учишься ходить между мирами. Ты становишься Смотрителем. Ты будешь идти туда, где рвется ткань, и сшивать ее. Ты будешь странником без дома, вечным чужаком. Ты будешь видеть, как умирают звезды и рождаются новые боги. Это путь бесконечной потери и бесконечного чуда.

— Я не справлюсь, — прошептал Игорь. — Я не герой. Я

не маг. Я никто. Я даже палатку ставлю криво.

— Это неважно, — Айри улыбнулась, и эта улыбка была самым прекрасным и самым пугающим зрелищем в его жизни. — Важна только твоя воля. Твоя способность сказать «я иду», даже когда не видишь дороги. Разлом выбрал тебя не за твои навыки, Игорь. Он выбрал тебя за твою пустоту. В тебе не было жесткой формы, поэтому тебя было легко переплавить.

Она отступила в золотой разрыв. Пространство за ней клубилось, показывая не фиолетовый лес, а нечто иное — бесконечную пустыню из черного стекла под тремя багровыми лунами.

— Время петли вышло, — сказала Айри. — Сейчас аномалия сбросит напряжение. Если ты останешься здесь, тебя разорвет на части при первом же скачке. Выбирай. Сейчас.

Игорь посмотрел на свою палатку вниз. На механического двойника, который, вероятно, снова разжигает костер. На свою мертвую, вырезанную из реальности жизнь.

Затем он посмотрел на свои светящиеся руки. На идеальный, спокойный лик существа из света. На черную стеклянную пустыню за ее спиной.

Страх никуда не делся. Он сидел в животе холодным комом. Но поверх него, впервые за долгие годы, появилось что-то еще. Любопытство. Дикое, пьянящее, почти детское любопытство.

— Чему... учиться? — хрипло спросил он.

Айри протянула ему руку через границу миров. Ее светящаяся ладонь была прохладной. — Всему.

Игорь посмотрел на свою старую, грязную штормовку. На ботинки, которые натирали ноги. На мир, который его от-
верг.

Он сделал шаг вперед.

Его нога не встретила земли. Он шагнул с обрыва, но не упал. Пространство подхватило его, мягко, но неумолимо вытягивая в золотой овал. Последнее, что он увидел в фиолетовом лесу, была его собственная палатка, которая в ту же секунду вспыхнула и рассыпалась в пепел, не оставив даже дыма.

Петля разорвалась. Мир моргнул в последний раз. Запах изменился первым. Вместо сладкой прели чужого леса — озон, раскаленный камень и сухая пыль.

Игорь стоял на коленях. Под ногами был не мох, а гладкий, оплавленный базальт, покрытый сетью трещин, из которых сочился тусклый красный свет. Воздух был разреженным и обжигал легкие.

Он поднял голову.

Небо было цвета запекшейся крови. Огромный, изъеденный кратерами планетоид занимал половину горизонта — Игорь понял, что они стоят на луне, а кровавое небо — это газовый гигант, вокруг которого она вращается. В воздухе висели две луны поменьше, одна из которых была разорвана пополам, обнажив светящееся ядро.

Игоря вырвало желчью. Желудок скрутило спазмом невестомости и абсолютного, крошечного одиночества.

— Добро пожаловать на Спутник-7, — раздался голос Айри.

Она стояла в десяти метрах от него, спокойная и величественная. Красное светило гигантского мира отражалось в ее хрустальной коже, делая ее похожей на статую из рубина.

— Вставай, — сказала она. — Первый переход всегда самый тяжелый. Твое тело учится заново понимать гравитацию.

Игорь попытался встать. Мышцы не слушались. Он оперся о светящуюся руку Айри. Прикосновение придало сил, влило в вены жидкий огонь. Он поднялся, пошатываясь.

— Где мы? — просипел он, оглядывая мертвый, изломанный пейзаж.

— На кладбище миров, — просто ответила Айри. — Это нейтральная зона. Место, где старые Смотрители оставили свои корабли. Нам нужно найти тебе транспорт. И оружие.

— Оружие? — Игорь посмотрел на нее с ужасом. — Кого... убивать?

Айри повернула голову. Ее серебряные глаза смотрели в темноту за краем базальтового плато.

— Разлом не только стягивает миры, Игорь. Иногда из трещин лезет то, что не должно существовать. То, что питается самой тканью реальности.

Из темноты, от которой до них было не меньше километ-

ра, донесся звук. Это не был рык зверя или скрежет камня. Это был звук *несуществования*. Низкий, вибрирующий гул, от которого Игорю захотелось вырвать себе глаза, лишь бы прекратить эту вибрацию в черепе.

Тьма вдалеке начала сгущаться, обретая форму. Форму, которая противоречила евклидовой геометрии. Углы, которых не могло быть в трехмерном пространстве. Тень, которая была плотнее света.

Игорь вцепился в руку Айри.

— Это Первый петлевой паразит, — спокойно пояснила Айри, не вырывая руки. — Он присосался к этому сектору. Пьет время из обломков луны.

Существо издало тот же невозможный звук и сделало «шаг». Пространство перед ним исказилось, рябь пошла по кровавому небу.

— Ты не сможешь его убить, — сказала Айри, поворачиваясь к Игорю. — Пока. Но ты должен научиться не бояться его вида. Смотри на него. Смотри на его углы. Прими тот факт, что твой мозг лжет тебе, говоря, что этого не может быть.

Игорь зажмурился. — Я не хочу!

— Твоего желания больше нет в меню, — голос Айри стал жестким, режущим. — Открой глаза, Путешественник.

Игорь открыл.

Он заставил себя смотреть на невозможную тварь. Он дышал сквозь тошноту. Он чувствовал, как его лиловый внут-

ренный свет пытается сопротивляться черному, мертвящему излучению паразита.

— Хорошо, — кивнула Айри, когда Игорь перестал дрожать, хотя по щекам его текли слезы ужаса и бессилия. — Для начала неплохо. А теперь беги за мной.

Она отпустила его руку и шагнула прямо в пропасть, с края плато.

Игорь бросился к обрыву, ожидая увидеть падение.

Айри не падала. Она шла по воздуху, спускаясь вниз по невидимой спирали, словно гравитация была лишь вежливой просьбой, которую она решила отклонить.

Игорь посмотрел на свои ноги. Глубоко вдохнул кровавый воздух.

— Я иду, — прошептал он.

И шагнул в пустоту.

Глава 3. Ангел Айри и границы миров

Шаг в пустоту оказался самым сложным решением в его жизни и одновременно самым простым физическим действием. Игорь зажмурился, ожидая удара о базальт, падения в километровой глубины каньон, хруста собственных костей. Он приготовился к смерти, потому что законы физики, которые вбивали в него в школе и университете, не предусматривали исключений для перепуганных менеджеров среднего звена.

Но удара не последовало.

Вместо боли пришла невесомость, а затем — твердая, уверенная поддержка. Айри держала его за предплечье. Ее хватка была прохладной и обладала силой гидравлического пресса, но при этом не причиняла боли. Игорь открыл глаза.

Они не падали. Они стояли на невидимой плоскости в метре от отвесной скалы. Внизу, в багровой дымке газового гиганта, плыли облака из расплавленного аммиака.

— Гравитация — это просто договор, — сказала Айри, отпуская его руку. — Твой мир слишком серьезно к нему относится. Здесь мы пересматриваем условия.

Она шагнула вперед, и невидимый пол накренился, превращаясь в пологий спуск. Игорь, инстинктивно балансируя,

последовал за ней. Его тяжелые туристические ботинки ступали по воздуху так же уверенно, как по асфальту. Это было противоестественно, тошнотворно, но его вестибулярный аппарат, измученный петлей времени, кажется, сдался и просто принял новые правила игры.

— Куда мы идем? — спросил Игорь, стараясь не смотреть вниз. Его голос прозвучал глухо в разреженной атмосфере.

— К Ковчегу, — ответила Айри. Она шла впереди, и ее хрустальное тело не отбрасывало тени на красный туман, хотя кровавое солнце гиганта светило им в спину. — Старые Смотрители называли это место «Мертвым Причалом». Здесь хранятся корабли тех, кто устал штопать полотно. Нам нужен транспорт, чтобы добраться до Урала. Пешком по межпространственным швам идти слишком долго. Твое тело не выдержит.

— Мое тело? — Игорь усмехнулся, но в смехе не было веселья. — Мне кажется, мое тело осталось где-то в районе горы мертвецов, перевариваемое лиловым мхом. Что я теперь? Светящийся сувенир?

— Ты — адаптация, — Айри остановилась и повернулась к нему. Теперь они висели в воздухе на уровне края плато. — Разлом не просто втянул тебя. Он впрыснул в твою ДНК код. Твой организм сейчас перестраивается на квантовом уровне. Твой лиловый свет — это побочный эффект калибровки. Твоя нервная система учится воспринимать не три измерения, а минимум одиннадцать. Это больно. Это похоже на то,

как если бы тебя собрали заново, перепутав все чертежи.

Игорь посмотрел на свои руки. Кожа больше не просто светилась. Под ней, прямо под эпидермисом, медленно текла ртутная, металлическая жидкость, повторяющая узор его вен. — И как долго... будет болеть?

— Всегда, — просто ответила Айри. — Боль — это цена за то, чтобы видеть. Смотрители не бессмертны. Мы просто умеем игнорировать распад.

Она двинулась дальше, вдоль скалы. Игорь поплыл за ней.

— Ты сказала, что я должен стать свидетелем ответов на три вопроса, — догнал он ее мысль. — Что за вопросы?

Айри замерла у темной расщелины в базальте, которая выглядела как вход в пещеру. — Те самые, Игорь. Те, из-за которых ваш вид строит храмы, сжигает еретиков на кострах и пишет стихи, захлебываясь слезами. Первый: Кто мы? Второй: Зачем мы здесь? Третий: Что будет после?

— Это вопросы философии, — фыркнул Игорь. — На них нет ответов.

— Есть, — Айри шагнула в темноту пещеры. — Но ваша цивилизация не готова их услышать. Если дать человечеству ответ на вопрос «Зачем?», оно либо уничтожит себя от отчаяния, либо впадет в вечную, бессмысленную стагнацию. Ответы должны быть не подарены. Они должны быть *увидены*. А для этого нужен свидетель. Тот, кто сможет выдержать правду и не сойти с ума. Тот, кто сможет вернуться в свой мир и... промолчать. Или сказать ровно столько,

сколько нужно, чтобы подтолкнуть, но не разрушить.

Игорь остановился на пороге пещеры. Темнота внутри дышала холодом. — Почему я? Я никто. Я был пустым местом в офисе. Я даже семью завести не успел, потому что боялся ответственности.

— Именно поэтому, — Айри посмотрела на него через плечо. Ее серебряные глаза в полумраке пещеры вспыхнули ярче. — Ты — идеальный сосуд. Пустой стакан. Если бы мы выбрали пророка, воина или гения, их эго разбило бы сосуд. Твое эго мертво, Игорь. В тебе нет жажды власти. Ты хотел только одного — чтобы тебя оставили в покое. А покой — это и есть состояние Смотрителя.

Она вошла в темноту. Игорю ничего не оставалось, кроме как шагнуть следом.

Внутри не было темно.

Пещера оказалась огромным, идеально круглым ангаром. Стены из оплавленного камня уходили вверх на сотни метров, смыкаясь в невидимом куполе. Пол был выложен шестиугольными плитами из материала, похожего на черное стекло, в глубине которого застыли созвездия.

Но главным был корабль.

Он занимал центр зала. Он не стоял на опорах. Он парил в метре от пола, медленно вращаясь вокруг своей оси. Он не имел формы. Или, точнее, он имел все формы одновременно. В одно мгновение он казался классической летающей та-

релкой из старых фантастических фильмов, в следующее — сложной кристаллической решеткой, а еще через секунду — живой, пульсирующей каплей ртути.

— Это «Эхо», — сказала Айри, подходя к кораблю. Она провела ладонью по воздуху перед носом судна, и поверхность корабля пошла рябью, реагируя на прикосновение. — Он не построен. Он выращен. Он часть Разлома, наделенная формой.

— Как им управлять? — Игорь обошел корабль по кругу, задрав голову. Масштаб поражал. В этом судне могло поместиться население небольшого города.

— Намеком, — Айри коснулась центра корабля. Поверхность разошлась, образуя идеальный овал входа и опуская трап из чистого света. — Он читает намерение. Но он сломан. Последние сто лет он спал. Нам придется его уговорить.

Игорь последовал за ней по световому трапу. Внутри не было кресел, кнопок или рычагов. Стены представляли собой живой янтарь, внутри которого медленно текла золотая плазма. Пол был мягким и слегка пружинил.

— Ложись в центр, — скомандовала Айри.

В середине пола было углубление, идеально повторяющее контуры человеческого тела. — Зачем?

— Чтобы синхронизировать его нервную систему с твоей, — терпеливо, как ребенку, объяснила Айри. — Первые несколько переходов ты будешь просто балластом. Я буду вести. Но «Эхо» должен запомнить твой код, иначе в следую-

ций раз он выплюнет тебя в открытый космос как чужеродный объект.

Игорь с сомнением посмотрел на углубление. — Это больно?

— Это как заново родиться, — ответила Айри и подтолкнула его в спину.

Игорь лег. Углубление тут же мягко сомкнулось вокруг него, обволакивая, как материнская утроба. Он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Паника снова кольнула под ребра, но сил на крик не осталось.

— Закрой глаза, — голос Айри теперь шел не извне, а звучал прямо в его внутреннем ухе.

Он подчинился.

Сначала было тепло. Затем по телу прошла волна невыносимого зуда — каждая клетка кожи словно обновлялась, сбрасывая старую оболочку. Игорь почувствовал, как его скелет становится гибким, как хрящи. Боль от перехода через Разлом показалась ему легким покалыванием по сравнению с этим. Он чувствовал, как его кровь заменяется чем-то густым и светящимся, как расплавленное золото.

А потом он начал видеть.

Глаза были закрыты, но зрение включилось.

Он видел Айри. Но видел не ее хрустальное тело. Он видел ее суть — сложнейшую структуру из чистого математического света, миллиарды переплетающихся уравнений, позволяющих осанну стабильности. Она была живой теоремой.

Он видел «Эхо». Корабль был спящим богом. Внутри него текли реки времени, в его «венах» застывали эпохи. Игорь чувствовал его сонливость, его глухое, древнее раздражение от того, что его разбудили.

— Тише, — прошептал Игорь, сам не понимая, говорит ли он вслух или только думает. — Тише, старик. Мы просто проедем одну остановку.

Корабль вздрогнул. Золотая плазма в стенах потекла быстрее. Математическая структура Айри склонилась к нему, успокаивая.

Пространство за бортом исчезло.

Не было ни ускорения, ни звука. Была только абсолютная, бархатная тишина, в которой Игорь слышал, как расширяется Вселенная.

Переход занял три секунды субъективного времени. Для Игоря прошла вечность.

Трап из света опустился. Вязкая субстанция, удерживавшая Игоря, разжалась, отпуская его. Он сел, хватая ртом воздух. Во рту был привкус озона и меда. Тело казалось чужим — легким, пустым, гудящим от переизбытка энергии.

— Добро пожаловать домой, — сказала Айри.

Она стояла у выхода.

Игорь вышел на трап и замер.

Внизу, под ними, простирался Урал. Но это был не тот фиолетовый, инопланетный лес, из которого они стартовали,

и не его родной, суровый Северный Урал.

Под «Эхо» лежала зеленая, залитая мягким вечерним светом долина. Река Серга — он узнал ее изгибы по старым туристическим картам — текла вниз, но вода в ней была прозрачной, как стекло, и в ее глубине медленно плыли тени гигантских, доисторических рыб.

Но главное было не в реке.

Игорь посмотрел на скалу, у подножия которой они приземлились. На той самой скале, где в его мире стоял унылый бетонный обелиск, здесь возвышался собор.

Он был сделан не из камня. Он рос прямо из скалы, переплетаясь с ней, как живое дерево. Шпили из белого, светящегося мрамора пронзали облака. Витражи размером с футбольное поле горели внутренним, пульсирующим светом. Вокруг собора, по склону горы, спускался город. Бело-снежные башни, соединенные висячими мостами из чего-то похожего на паутину. Сады на крышах, где росли деревья с серебряной листвой.

Город был живым. Игорь видел, как по мостам движутся фигуры. Они были высокими, стройными, одетыми в одежды, струящиеся как вода.

— Кто это? — выдохнул Игорь.

— Древние, — ответила Айри. Она стояла рядом, и ее присутствие казалось единственным якорем в этом невозможном, сказочном мире. — Версия вашего мира, которая пошла по пути гармонии с Разломом, а не по пути его отри-

цания. Они научились строить не из камня, а из пространства.

— Они... люди?

— Были ими. Сейчас они — нечто большее. Хранители локального узла. Они ушли в свой слой реальности, когда ваш мир выбрал войну, бетон и сталь. Они существуют параллельно вам.

Игорь прищурился. Он смотрел на город, и вдруг его новое зрение снова дало сбой. Изображение задвоилось. За белоснежными шпилями и серебряными деревьями он начал видеть нечто иное.

Руины.

Гниющие остовы панельных многоэтажек. Ржавые скелеты заводов. Провалы дорог, залитые черной водой. Город-призрак, наложенный поверх города-утопии.

— Я вижу... — Игорь потер виски. — Я вижу оба мира сразу.

— Ты видишь границы, — кивнула Айри. — Фазовые границы. Здесь, на Урале, их сотни. Каждый перевал, каждая пещера — это дверь. Вы, люди современного мира, ходите сквозь них каждый день, но ваши глаза закрыты. Вы видите только бетон.

Она указала вниз, на небольшую поляну у реки. — Смотри глубже.

Игорь сосредоточился. Он расслабил зрение, позволив лиловому свету внутри себя течь свободно.

Картина изменилась.

На поляне у реки больше не было травы. Там стоял шатер из шкур мамонта. Вокруг него сидели существа. Они были похожи на людей, но их кожа отливала камнем, а волосы были похожи на корни сосен. Они не охотились. Они сидели вокруг костра, который не давал дыма, и... пели. Их песня была видимой — нити золотого света тянулись от их ртов прямо в небо, сплетаясь в узор.

— Духи гор, — пояснила Айри. — Первые дети Разлома. Они никогда не строили городов. Они и есть ландшафт.

— Почему я это вижу? — спросил Игорь. Его голос дрожал от благоговения и ужаса. — Почему мне позволено?

Айри повернулась к нему. В ее серебряных глазах отразились и утопический город, и гниющие руины.

— Потому что ты — пустота, Игорь. Ты не принадлежишь ни одной из этих версий. Ты — слепой, которому вернули зрение, но не дали инструкции, как им пользоваться. Ты видишь всё, потому что ты — никто.

Она подошла к краю трапа и посмотрела вниз, на утопический город. — Но твоя слепота была благом. Теперь, когда ты видишь, ты станешь замечен.

— Замечен для кого? — Игорь встал рядом с ней.

Вместо ответа Айри резко схватила его за плечо и силой швырнула назад, вглубь корабля.

— Пригнись! — рявкнула она.

Игорь упал на мягкий пол. Айри осталась стоять на тра-

пе. Ее тело из хрустального света вдруг изменило спектр. Она больше не была белой и серебряной. Она стала черной, как обсидиан, поглощающей свет. Золотая плазма в стенах «Эхо» вокруг нее потускнела, замерзая.

Снаружи, над утопическим городом, сгустилась тень.

Это не было облаком. Тень имела плотность. Она упала с небес вертикально вниз, пронзая облака, и зависла прямо над собором из белого мрамора.

Существо, которое Игорь сначала принял за птицу, расправило крылья. Размах их был таков, что они закрыли солнце для всей долины.

Но это были не крылья. Это были два рваных, гниющих края самой ткани реальности. Там, где должны были быть перья, Игорь видел космос — холодный, мертвый вакуум с застывшими звездами. Существо издало крик, и этот звук не имел децибел. Это был звук увядания. Звук энтропии.

Собор из белого мрамора под тварью начал стареть. На глазах у Игоря. Белоснежный камень покрылся сетью черных трещин, мох вырос на шпильях за секунду, серебряные деревья внизу рассыпались в труху. Утопия превращалась в руины в реальном времени.

— Что это?! — прохрипел Игорь, вжимаясь в пол.

— Пожиратель, — голос Айри изменился. Он стал низким, вибрирующим, лишенным всякой человечности. — Слепая зона. Ошибка кода. Он не просто ест материю. Он ест смыслы. Там, где он пролетает, не остается даже памяти

о том, что что-то существовало.

Пожиратель сложил свои космические крылья и камнем рухнул вниз. Его целью был не корабль. Его целью была Айри.

Она прыгнула навстречу.

Игорь ожидал столкновения хрусталя и космической пустоты. Но удара не было. Айри просто... разделилась. Она распалась на тысячу светящихся осколков, которые облепили Пожирателя со всех сторон.

Тварь издала беззвучный вопль. Космическая тьма ее крыльев встретилась с лиловым светом Айри.

Началась битва, которую человеческий глаз не мог воспринять. Это была не драка, а война физических законов. Там, где касался свет Айри, крылья Пожирателя начинали обретать форму, превращаясь в обычную плоть и кость — уязвимую, смертную. Тварь пыталась сбросить свет, извивалась, но осколки Айри вгрызались в нее, как термиты в дерево.

Пространство вокруг них исказилось. Река Серга внизу потекла вспять. Утопический город окончательно рухнул, обнажив ржавые скелеты панелек.

— Она убивает его, — прошептал Игорь, не в силах оторвать взгляд от этого невозможного балета. — Она заставляет его быть реальным, чтобы убить.

Пожиратель, лишенный своей неевклидовой защиты, стал просто огромной, уродливой гарпией из гниющего мяса и

черных перьев. Айри, вновь собравшаяся в единый хрустальный монолит, зависла над ней. Она подняла руку. С ее ладони сорвался не луч, а чистая геометрия — идеальный белый куб, который начал стремительно вращаться, ускоряясь до тех пор, пока не превратился в дисковую пилу из абсолютной твердости.

Диск опустился.

Разрез был мгновенным и абсолютным. Тварь распалась на две половины. Из разреза не хлынула кровь. Оттуда посыпался черный, сухой песок — время, которое Пожиратель украл у этого мира за тысячи лет.

Остатки твари рухнули в реку. Вода зашипела и на мгновение превратилась в пар, а затем снова стала стеклянной.

Айри медленно опустилась на трап. Ее свет пульсировал слабо, с перебоями. На хрустальной груди, там, где у человека сердце, зияла глубокая трещина, из которой медленно вытекала тьма.

— Они знают, что ты здесь, — сказала она, тяжело опираясь на косяк двери. Голос снова стал человеческим, но в нем слышалась вековая усталость.

— Из-за меня? — Игорь подполз к ней, боясь прикоснуться.

— Из-за тебя, — кивнула Айри. Тьма в ее ране начала застывать, превращаясь в рубиновую корку. — Пожиратели — это сторожевые псы энтропии. Они стерегут границы. Обычно они спят. Но когда в систему вбрасывают новый, неста-

бильный элемент — такой, как ты, со свежим кодом Разлома — они чувствуют резонанс. Ты — маяк, Игорь. Ты горишь в спектре, который они ненавидят.

— Я могу уйти, — предложил Игорь. — Выброси меня обратно в мой мир. В мой офис. Я буду молчать.

Айри посмотрела на него. В ее серебряных глазах больше не было вселенского спокойствия. Там была боль.

— Ты не можешь уйти. Твой код уже интегрирован. Если ты попытаешься вернуться в линейное время своего офиса, твое тело не выдержит фазового сдвига. Ты просто растечешься по стулу радиоактивной слизи. Пути назад нет.

Она оттолкнулась от косяка и шагнула внутрь корабля. — Но это не главная проблема.

— Что может быть хуже Пожирателей? — Игорь поднялся на ноги, чувствуя, как его собственные светящиеся руки начинают дрожать.

— Пожиратели — это стихия. Болезнь. — Айри прошла в центр управления и опустила в световое углубление, прикрыв глаза. — Хуже них те, кто научился их использовать.

Пространство внутри «Эхо» потемнело. Золотая плазма в стенах стала красной, тревожной.

— За нами следят, — прошептала Айри. — Не Пожиратель. Что-то... старше. Умнее.

Игорь обернулся к выходу. Трап был поднят. Они висели в метре над руинами утопического города.

— Кто?

— Тот, кто живет в тени между мирами, — Айри открыла глаза. Они были абсолютно черными, зрачок слился с радужкой. — Тот, кто сшивает Разломы не для того, чтобы спасти миры, а чтобы собрать их в единую цепь. Коллекционер.

Внезапно «Эхо» содрогнулось. Это не был толчок. Корабль застонал, как живое существо от боли. Игорь потерял равновесие и упал.

В стенах из янтаря появилась трещина. Но это не была физическая трещина. Из нее потянуло холодом, который не имел отношения к температуре. Это был холод абсолютного нуля, холод отсутствия Бога.

В рубке, прямо между Игорем и Айри, сгустился мрак.

Он не имел формы. Он был просто более темным пятном в и без того тусклом свете корабля. Но Игорь чувствовал на себе его взгляд. Взгляд был тяжелым, липким, он проникал под кожу, сканируя не тело, а душу.

— Интересный экземпляр, — произнес голос. Он не звучал в ушах. Он был везде. Он был текстурой воздуха. — Свежее мясо. Чистый лист. И старый, умирающий Смотритель. Какая... трогательная пара.

Айри вскочила на ноги. Ее тело вспыхнуло ослепительно белым светом, озарив рубку. — Убирайся из моего корабля, Шепчущий.

Тень не отступила. Наоборот, она стала плотнее, обретая контуры высокого человека в длинном, бесформенном плаще. Лицо скрывал капюшон, но Игорь чувствовал, что под

ним нет ничего, кроме бесконечной, выжженной пустыни.

— Твой корабль, Айри? — в голосе тени звучала насмешка. — Ты забыла, на чем мы держим сделку? Я позволяю тебе штопать лохмотья этой Вселенной. А взамен...

Тень сделала шаг. Воздух вокруг нее пошел волнами, искажая пространство. Золотая плазма в стене рядом с ней закипела и испарилась, оставив идеально ровную дыру в форме силуэта тени.

— Взамен я забираю то, что остается после твоих штопок, — закончил Шепчущий. Его рука в черной перчатке протянулась к Айри. — Фрагменты. Осколки душ. Неприкаянные сознания.

Игорь увидел, как из груди Айри, из той самой трещины, потянулась тонкая нить лилового света. Тень потянула ее на себя, как паук тянет паутину.

Айри упала на одно колено. Ее хрустальное тело начало мутнеть, покрываться трещинами, как старое стекло.

— Игорь! — прохрипела она. — Не смотри ему в...

Шепчущий поднял голову. Капюшон упал с его лица.

У него не было глаз. Вместо них в глазницах пульсировали два миниатюрных Разлома — вращающиеся лиловые спирали, полные острых звезд и абсолютной тьмы.

Игорь смотрел в эти глаза.

Его разум, только что обретший способность видеть утопические города, оказался не готов к этому. Вся структура мироздания, которую Айри так бережно ему объясняла, рух-

нула.

Он увидел истину.

Миры не были полотном. Они были клетками. А Разломы — это не гниль. Это кормушка. Айри и ее братья были не Смотрителями. Они были надзирателями, которые просто поддерживали порядок в тюрьме, чтобы заключенные не разбежались до того, как придет время сбора урожая.

А Шепчущий... Шепчущий был не паразитом. Он был фермером.

Игорь почувствовал, как его собственная лиловая сущность внутри — тот самый код Разлома — реагирует на взгляд фермера. Она потянулась к нему. Она узнала хозяина.

— Да, — прошептал Шепчущий, и его безгубый рот растянулся в улыбке, от которой Игоря парализовало. — Чувствуешь? Ты не Смотритель, мальчик. Ты — инвентарь.

Тень сделала еще один шаг. Расстояние между ними сократилось до метра.

Айри, собрав последние силы, выбросила вперед руку. С ее пальцев сорвалась сеть из чистого математического света. Она должна была сковать тень, заморозить ее в геометрии.

Но Шепчущий просто втянул сеть в себя. Она исчезла в его груди без следа.

— Грубовато, Айри, — укоризненно сказал он. — Ты же знаешь, я люблю деликатесы.

Он посмотрел на Игоря. — А ты... ты будешь моим лучшим блюдом. Свежее сознание, вымоченное в экзистенци-

альном ужасе. Идеальная текстура.

Игорь понял, что сейчас умрет. Не физически. Умрет его «я». Его выпьют, как стакан воды.

В отчаянии, в последней попытке защититься, он сделал то, что делал в офисе, когда на него орал начальник. Он спрятался за формальностью.

— У меня обеденный перерыв, — сказал Игорь, глядя в лиловые бездны глаз Шепчущего.

Тень замерла. Улыбка медленно сползла с его лица.

— Что?

— Я сказал, у меня обед, — Игорь почувствовал, как внутри него поднимается странная, иррациональная злость. Злость маленького человека, у которого украли его законный час покоя. — И вообще, вы кто такой? Я на вас жалобу напишу. В профсоюз.

Айри, лежащая на полу, издала странный, булькающий звук. Потребовались секунды, чтобы Игорь понял, что Смотритель смеется. Она смеялась, несмотря на то, что ее свет угасал.

Шепчущий моргнул. Его лиловые бездны на мгновение закрылись. Пространство, искаженное его присутствием, со щелчком вернулось в норму.

— Ты... — начала было тень, но осеклась. Она смотрела на Игоря с искренним, научным недоумением. — Ты не боишься. Ты раздражен. Это... невозможно. Твой код должен кричать.

— Мой код хочет есть, — отрезал Игорь, делая шаг вперед. Он не чувствовал страха. Только глухое, бытовое раздражение. — И я не инвентарь. Я сотрудник на испытательном сроке. Идите со своими философскими претензиями к моему куратору.

Он протянул руку и ткнул пальцем в грудь Шепчущего.

Палец прошел сквозь тень, не встретив сопротивления. Но Игорь вложил в это движение всю свою накопившуюся за жизнь усталость от бессмысленных совещаний.

Шепчущий отшатнулся. Его силуэт пошел рябью. — Как ты смеешь...

— Как я смею? — Игорь скрестил руки на груди. — Вы врываетесь в мой... то есть, в этот корабль. Пугаете даму. Мешаете акклиматизации. Это невежливо.

Тень смотрела на него. Лиловые спирали в ее глазницах замедлили вращение. В них больше не было вселенской жажды. Там появилось что-то похожее на... профессиональный интерес.

— Интересный дефект, — прошептал Шепчущий. — Аномалия в аномалии. Ты не просто пуст. Ты... отрицателен. Ты поглощаешь смысл просто тем, что существуешь.

— Я Игорь, — сказал Игорь. — И я хочу, чтобы вы покинули помещение.

Шепчущий отступил на шаг. Затем еще на один. Пространство вокруг него больше не искажалось. Он выглядел просто как очень высокая, очень худая фигура в старом паль-

то.

— Мы еще встретимся, — сказал он. — Когда твой защитный сарказм треснет, я буду ждать. Я буду тем, кто подберет осколки.

Он растворился. Не ушел в портал, не исчез во вспышке. Он просто стал частью тени в углу рубки, а затем исчезла и сама тень.

В «Эхо» повисла тишина. Только золотая плазма в стенах продолжала тихо гудеть.

Айри сидела на полу, прислонившись к стене. Трещина на ее груди медленно затягивалась, но рубец остался — глубокий, черный, похожий на шрам от удара топором.

Она посмотрела на Игоря. В ее серебряных глазах плескалось чистое, незамутненное изумление.

— Ты... — выдохнула она. — Ты прогнал его. Словами.

— У меня был очень хороший начальник в офисе, — Игорь тяжело опустился на пол рядом с ней. Его ноги дрожали. Злость и сарказм ушли, оставив после себя пустоту и липкий холодный пот. — Настоящий демон. Научил не бояться кого угодно.

Айри запрокинула голову и расхохоталась. Это был смех облегчения и истерики. Хрустальный звон ее голоса эхом отразился от стен янтарной рубки.

— Коллекционер... Шепчущий... испугался офисного работника.

— Он не испугался, — устало возразил Игорь. — Он про-

сто не знал, в какую папку меня подшить.

Айри медленно повернула к нему голову. Ее лицо было серьезным. — Это не шутка, Игорь. То, что ты сейчас сделал... Это не бунт. Это новый закон физики. Ничто не может противостоять энтропии, кроме абсолютного бюрократического равнодушия.

Она протянула руку и коснулась его светящегося плеча. — Добро пожаловать в Аппарат, клерк. Бумажной работы будет много.

Игорь посмотрел на свои руки. Лиловый свет пульсировал ровно. Страх перед невозможным сменился глухим, тяжелым фатализмом.

— Куда мы летим? — спросил он.

— Обратно на Урал, — ответила Айри, закрывая глаза. — У нас там назначена встреча. С твоим вторым вопросом.

— С «Зачем мы здесь»?

— Нет, — Айри слабо улыбнулась, не открывая глаз. — С твоим первым настоящим клиентом. Он ждет нас в пещере, где время течет вертикально.

Корабль «Эхо» бесшумно поднялся над руинами утопического города и растворился в облаках, унося на борту самого бесполезного и самого опасного Смотрителя в истории Разлома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.